

Валерий Ронкин

ТРИЛОГИЯ АБУЛАДЗЕ

.....

О "Покаянии" написано много и хорошо. Но почему-то никто из писавших рецензии не обратил внимания на то, что потрясающий всех фильм по авторскому замыслу является завершающей частью трилогии.

О чем же трилогия, объединяющая столь разные фильмы, разные, казалось бы, во всем — от времени изображаемых событий до художественной формы произведения?

Борьба добра со злом? Но этой проблеме посвящено почти любое произведение искусства.

Чисто случайно я посмотрел трилогию в обратном порядке. Начал с "Покаяния" и кончил "Мольбой". В этом случайном стечении обстоятельств мне, кажется, повезло. Так археолог, вскрывая верхние слои, сталкивается с тем, что ему почти известно из повседневной жизни. Находки в слоях, лежащих гораздо глубже, таинственные и непонятные на первый взгляд, можно понять, сравнивая их с предшествующими — от сегодняшнего дня вглубь времен протягивается некая нить, позволяющая понять древние формы. Руководствуясь этой же нитью мы совершаем и обратный путь — от истоков к сегодняшнему дню. Чем древнее находка, тем лаконичнее её язык.

От строгой графики "Мольбы", через живопись "Древа желания" мы приходим к мистерии "Покаяния", к трагической буффонаде, скрупулезно переданной языком чуть ли не кинохроники.

Только посмотрев две первые вещи, я смог понять лирическое обрамление "Мольбы". По хлебному полю идет прекрасная женщина. Муза? Совесть? Душа? Идет к Человеку, поэту, воину. Где-то в стороне прячется некто — дьявол, тень, его черное второе "Я".

И вдруг свадьба. С дьяволом. Неужели прекрасная женщина не видит, как тот уродлив? Почему она выбрала себе такого партнера? Почему муза готова стать ведьмой? Вдруг? Нет, не вдруг.

Сначала были еще похороны кого-то богатого и знатного, и Человек внезапно осознал, что ни богатство, ни знатность, ничто не может предотратить его смерть.

Страх охватил его душу, страх толкнул её в объятия к дьяволу. Если нет вечной жизни, так пусть будет хоть жирок на брюшке.

Но муза, душа, совесть не может жить, обрастая жиром. Между небом и землей закачается она в петле, которая, сдавив горло, оборвет её дыхание. (думаю, что и в грузинском языке слова "дыхание", "душа", "дух" восходят к одному корню и к одной символике.)

Та же самая толпа, которая чинно и равнодушно творила обряд похорон, так же равнодушно будет смотреть на предсмертные конвульсии души поэта, на окончательное торжество бездуховности.

Мы-то, зрители, знаем, что душа бессмертна, что её гибель только морок, наваждение, что, пройдя сквозь муки (муки совести), она снова обретет былую чистоту.

И снова по хлебному полю к поэту, к нам идет прекрасная женщина в белом — муза, совесть, душа.

Ещё раз мы увидим виселицу в "Покаянии". Рядом с балконом, с которого выступает Варлам, будет маячить виселица с черным вороном на перекладине, как символ грядущей бездуховности, как грозный намек тем, кто рвется от "нашей прекрасной, политой потом и кровью" земли куда-то вверх, в непонятное варламам и поэту подозрительное небо.

Добро и зло... Страх, страх, который венчает совесть с дьяволом, толкает нас в толпу, в массу, в орду... Страх за собственную шкурку, за жирок на брюшке, страх и порожденные им зависть и агрессивность.

В "Мольбе" страх движет и хевсурами и кистинами, массой, толпой, в которой предводители ещё не играют особой роли. В "Древе желания" уже появляется деревенский староста, ещё не фюрер, ещё патриархальный советчик. В "Покаянии" толпы почти не видно. На балконе стоит вождь (фюрер, дуче, каудильо — все эти слова на разных языках восходят к слову "вести"), а под

балконом, почти невидимые кинозрителю, проходят тысячи флагов, лес рук, трава... Мы их не видим, но ведь это верхний пласт, мы знаем о том, что они идут, и знаем, как они идут.

Неправда, что обыватель на нашей земле возник только вместе "с ростом товаро-денежных отношений". По-моему он появился непосредственно от обезьяны. Для неё, как и для других растительноядных, стадо это прежде всего — безопасность. Не случайно на заднем плане кадров "Древа желания" всё время строем дефилируют бараны, предваряя появление людской толпы.

Неправда, что фюреры сверхчеловеки, непохожие на нас — они такие же недочеловеки, как и те, кто проходит строем мимо трибун, требуя смерти позавчера ведьмам, вчера — вредителям, сегодня — расхитителям... Тираны жестоки нашей жестокостью, запуганы нашими страхами, исполнены нашего чванства. Не случайно, думаю, имя Варлам переводится как "сын народа".

Мы сами, узнав из книжек, что ум, совесть и честь — это хорошо, это престижно (но обременительно и небезопасно) создаём сказки о неких коллективных уме, чести и совести, а потом взваливаем всё прижитое нашей трусостью, нашей жадностью, нашей завистью на покойных диктаторов.

Наивный Михаил надеется, что чем безумнее будут обвинения, чем больше явно невинных людей будет схвачено, тем скорее все поймут всю Ложь Варлама, тем скорее наступит конец этому кошмару. "Все" не могут понять. Чем чудовищнее ложь, тем легче ей верят.

Действительность была ещё фантастичнее художественного образа. На процессе 1937 года фигурировали в качестве доказательств акты, составленные по поводу того, что в одном случае в ящике с маслом были обнаружены осколки стекла, в другом — гвозди. "Мы не позволим вам резать животы и горла наших людей" — вопил генеральный прокурор Вышинский, обвиняя вчерашнего любимца партии Бухарина. И тот самый обыватель, который вечно кидал что попало, как попало и куда попало, искренне верил, что в эти-то два ящика "режущие предметы" попали не случайно.

Зависть и трусость являются безусловно коллективными. Па-

ника заразителна, безумие, агрессивность заразителны, но мне ещё не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь заразился умом или совестью.

Ум, честь и совесть — свойства сугубо индивидуальные, и отказ от индивидуальности равносильен отказу от ума, и от чести, и от совести.

Прекрасна народная толпа на карнавале, ужасна и отвратительна — в суде. Обезумевшая от страха, она с легкостью необыкновенной превращает суд в карнавал, а карнавал в судилище. "Карнавальное" истязание неверной жены (описано, кстати, и у А.М.Горького в рассказе "Вывод") выступает в трилогии, как прелюдия к судебным карнавалам "Покаяния".

Символом изначального единства, "нас" у Абуладзе (впрочем, не только у него одного) выступает Земля. Мрачны голые скалы "Мольбы", мрачны могилы её, и молит поэт среди скал и могил: "Пусть превратится земля в цветущий луг!"

Мольба была услышана. Цветущим маковым полем открываются первые кадры "Древа желания", маковым полем, на котором умирает белый конь, который повсюду был символом неба, свободы, личности. Миллионы ног топчут нашу грешную землю, но только избранным, оставившим в памяти народной свои имена, поэтам и героям удавалось оторваться от тяги земли и вырваться в Небо. Но горестно склонился над умирающим конем его хозяин, юноша, которому суждено не небо, а грязная лужа, в которую, убитый, он ткнется лицом. Среди цветущих лугов повезут на казнь прекрасную Марику, и грязь, комья земли полетят ей в лицо. Тщательно пропускают мокрую землю детские пальцы — нет и не может быть там волшебного камня.

В подземных лабиринтах "Покаяния" мечутся в ужасе Нико и Сандро. Тщетно искать у земли защиты. "Я вас и под землей найду" — угрожает им Варлам, и бежит изможденный пахарь навстречу начальству, и не укроет их от властителя пашни.

Так о чем же трилогия? Только о бессмысленной толпе?

Есть в трилогии и другая сторона. Хевсур, отказавшийся надругаться над мертвым врагом, кистин, оказавший гостеприимство хевсуру, плачущая над убитым гостем его жена, потешный

анархист (пока ещё потешный, ибо не идет еще за ним толпа, топот которой он пытается уловить, слушая землю), не менее потешный любитель старины, гулящая девка, великий художник Сандро Баратели и его любящая жена, полубезумная Кетеван — Люди, те, кто уже успел произойти от обывателя, как некогда обыватель произошел от обезьяны.

По-моему трилогия Абуладзе — это гимн отщепенцам, гимн тем, чьи поступки определяют не страх, не мечта о жирке, а нечто другое, непонятное и страшное и толпе и фюрерам.

Глобус, земной шар вносит Елена, жена Михаила и начинает петь "Оду к радости". "Обнимитесь миллионы!" Откуда-то, невидимый, вступает хор, хор, который заглушает последнее слово подсудимого Сандро, хор, сопровождающий пытки и казни.

Уготована ли эта участь всей нашей планете? Да, если миллионы сольются в безликую толпу! Нет, если каждый из нас останется Человеком!

Сколько раз, мечтая сделать себе имя, принималась толпа за строительство очередной вавилонской башни, но смешивались языки её, один переставал понимать другого и рассеивались они по миру.

Известный психолог Ж.Пиаже приводит разговор с одним маленьким швейцарцем: "Раньше я тоже думал, что, когда я иду куда-нибудь, Луна идет вместе со мной. Но потом я пошел в школу и у меня появились друзья. Я понял, что Луна не может следовать за каждым из нас.. Значит, когда я вижу, что Луна идет за мной — это только мне так кажется."

Понять другого, поверить другому, тому, кто идет не вместе со мной, — это значит согласиться с представлением о том, что мир создан не исключительно для меня, для моего благополучия, для моей славы....

Храм не Вавилонская башня. Строить храм "не ради славы, ради жизни на земле" могут только Люди, разные, разноязыкие, но умеющие понимать друг друга. "Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех". ("Коммунистический манифест").

Тема солидарности выходит за рамки трилогии, нам не дают готовых рецептов. Ясно одно — улица Варлама не ведет к храму, надо искать другую дорогу.

....